

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА КАЗАЧЕСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ РОССИИ

А.М. ЛЯШКО*РХТУ им. Д.И. Менделеева**e-mail:**attila80@mail.ru*

В данной статье на примере Кубанского казачества рассматривается один из важнейших процессов социально-политического конфликта – трансформация жертвы в участника или субъекта противостояния. Кубанские казаки, как и все российское казачество, оказались вовлечены в конфликты с большевиками и советской властью помимо своей воли. Советская власть проводила в Гражданскую войну, а также в 20-30-ые гг. прошлого века политику геноцида против казачества как социальной группы. Став жертвой такой политики, казачество, в силу своих особенностей, трансформировалось в участника конфликтов.

Ключевые слова: кубанское казачество, социально-политический конфликт, жертва, трансформация.

В XX веке смена общественного строя в России и приход к власти большевиков привели к массовым репрессиям. Физическому уничтожению подлежали целые социальные группы, сословия, составлявшие значительную часть населения страны. Это вызвало активное противодействие со стороны казачества, которое сначала подверглось террору, а потом из жертвы трансформировалось в участника и даже субъекта конфликта.

Рассмотрим механизмы такой трансформации на примере кубанских казаков. Подобные механизмы были задействованы и во многих других конфликтах: например, при организации массового партизанского движения в 1941-45 гг. на территории СССР, оккупированной Германией и ее союзниками, которые применяли политику массового террора по отношению к местному населению; а также при возникновении других массовых, стихийных вооруженных выступлений (конфликты в Приднестровье, в Южной Осетии и Абхазии), где имел место геноцид местного населения.

Анализируя реакцию общества на террористический акт, Ф.Н. Ильясов описал три стадии отношения людей к произошедшему событию: рефлекторную, психологическую, социальную. К этим стадиям Г.И. Козырев добавляет еще и политическую. На рефлекторной стадии люди испытывают страх, испуг, стресс, а затем оценивают реальность и масштаб возникшей угрозы. На психологической стадии возникает либо апатия и безысходность, либо ответная реакция на агрессию. На социальной стадии «возникает реакция критического отношения к властям»¹, иногда эти стадии объединяются (такой вариант характерен для случаев, когда источником террора является власть). Политическая стадия возникает, если в ответ на произошедшее событие принимаются политические решения и происходят изменения в политике.

При трансформации жертвы в участника, либо в субъекта социально-политического конфликта могут задействоваться различные механизмы – *эмоционально-психологические, социально-психологические, социальные (структурные), политические, мобилизационные, экзистенциальные*².

Эмоционально-психологические механизмы. Описывая состояния людей, переживших теракты, техногенные катастрофы или боевые действия и не участвовавших в конфликте на какой-либо из сторон, Д.В. Ольшанский выделяет следующие их формы: испуг – страх – ужас. Ужас, по мнению Ильясова, – крайняя форма страха, характеризующаяся чувством безысходности и неотвратимости бедствия. Ужас парализует волю и

¹ Ильясов Ф.Н. «Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв» Соц. Исследования. М., 2007 №6 – С. 84-85.

² Козырев Г.И., ««Жертва» в социально-политическом конфликте», М., 2008, глава 5, – С. 76-84.

делает человека неспособным к сопротивлению наступающему бедствию. Ужасу подвержены морально (и часто физически) слабые люди, поэтому военизированное общество (каковым являлось казачество) более способно к сопротивлению и более активно. На основании страха и ужаса развивается паника, которая может трансформироваться в стихийную агрессию. Военные раньше других поняли опасность этого процесса, поэтому активно боролись с паникерами и недостаточно стойкими солдатами (например, децимации в Древнем Риме, приказ Петра Первого перед Полтавской битвой о создании заградительных отрядов, с полномочиями рубить каждого, бегущего с поля боя, включая самого царя). Борьба шла как при помощи воспитания морально устойчивых солдат, так и радикальными способами т.е. путем уголовного преследования, а часто и физического уничтожения без суда и следствия.

Г.И. Козырев рассматривает эмоции («социальный клей», по выражению Э. Дюркгейма) *«не только как уход от рациональности, но и как ... подготовку к рациональным действиям»*³. Важный фактор для запуска эмоционально-психологических механизмов – *«однородная эмоциональная атмосфера общества или социальной общности»* (там же), позволяющая мобилизовать людей для отпора агрессии и нейтрализации угрозы. При рассмотрении социально-политических конфликтов с трансформацией казачества из жертвы в участника конфликта, этим механизмам должно быть уделено особое внимание. Казаки – до 1835 г. «военно-служивый народ», после – «военно-служивое сословие», т.е. в любом случае милитаризованная социальная группа (по мнению ряда исследователей – этнос, народ)⁴ с соответствующим воспитанием.

Социально-психологические механизмы. Основой этих механизмов являются эмоционально-психологическое состояние людей, а также потребность и готовность к рациональным действиям, исходящим из критического отношения к произошедшим событиям и как реакция на внешнюю угрозу. Вместе с этим определяются виновные в произошедших событиях. При наличии достаточного мобилизационного и организаторского потенциала, потерпевшие объединяются для защиты своих интересов. В процессе развития социальный протест может преобразоваться в политические акции.

Видом социально-психологического механизма трансформации жертвы в агрессора может служить «жажда мести». Наряду с эмоциональной мотивацией в ней присутствуют осознанные действия в виде спланированного возмездия. По мнению У. Макдаугалла, для восстановления попранного достоинства пострадавший способен годами планировать возмездие и ожидать удобного момента⁵. Г.И. Козырев ссылается на возрождение германского милитаризма после поражения в Первой мировой войне⁶, здесь рассматриваются участие казаков, пострадавших от произвола советской власти, во Второй мировой войне на стороне Германии.

Для трансформации казачества из жертвы в участника конфликта нехарактерны **социальные (структурные), политические, мобилизационные и экзистенциальные механизмы**. Так, социальные механизмы проявляются постепенно, а например, в восстании 1918-ом года казаки осознали себя жертвой сравнительно быстро, за несколько недель. Политическими механизмами казачество не сумело воспользоваться в силу ряда причин: это отсутствие политического субъекта на международном уровне (за исключением краткого периода государственности и деятельности Кубанского правительства в эмиграции), устойчивые стереотипы в сознании постсоветского общества (казаки – военизированная каста, состоявшая из жестоких людей, воевавших против народа). Мобилизационные механизмы были неактуальны, т.к. казаки прекрасно знали, кто их враг, и легко мобилизовались для вооруженного сопротивления.

Каким образом казачество, бывшее самой милитаризованной частью общества в начале 20-го века, стало «жертвой»?

³ Козырев Г.И., «Жертва» в социально-политическом конфликте. М., 2008, – С. 78.

⁴ Гордеев А.А. История казачества. М. Вече, 2006. – С.25.

⁵ Николаев В.Г. Мечь, как предмет социологического интереса: предисловие к публикации текста У. Макдаугалла / Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. « Социология»/ РЖ. 2003, № 3. – С. 127-138.

⁶ Козырев Г.И., «Жертва» в социально-политическом конфликте. М., 2008, – С. 80.

В 1901 году в статье «С чего начать?», опубликованной в 4-ом номере газеты «Искра», Ленин пишет: «*Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора*»⁷. Террор, как крайняя форма агрессивных действий по отношению к политическому противнику, часто сопровождает борьбу за власть. В России же большевистский террор приобрел широкий размах, стал официально провозглашенной, оправдываемой революционной необходимостью, политикой партии, захватившей власть в стране.

Своими основными союзниками революционные идеологи провозглашали те социальные группы, где влияние традиционных ценностей было наиболее слабым. Такими социальными группами были беднейшие слои крестьянства, рабочих, мещан. Казачество к началу 20-го века было религиозным, законопослушным сообществом с давними традициями демократии и гражданского общества. Казаки были поголовно вооружены и проходили военную службу, готовясь к ней с ранних лет. Эти факторы делали казачество, с одной стороны, устойчивым к революционной агитации, с другой стороны, – опасным в открытом вооруженном конфликте. Культурные традиции и мировоззрение казаков делали их противниками марксистских социальных экспериментов.

Образ врага, необходимый для обоснования террора против казачества, формировался революционными агитаторами еще до основных событий 1905-го года, когда казачьи войска массово привлекались для наведения порядка внутри страны вместе с другими армейскими частями. Этот факт использовался для обвинения казаков в преступлениях против населения и до и после 17-го года (заметим, используется и сейчас). Сами большевики декларировали террор (в том числе и против мирного населения) как один из основных методов борьбы за власть. 8 января 1905 г. (за день до «Кровавого воскресенья») большевики выпускают в С-Петербурге листовку «*Ко всем петербургским рабочим*» с призывом к оружию: «*Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестких боях. Не просить царя, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку – только тогда загорится заря свободы*». В «Советах восставшим рабочим», выпущенных в Москве в 1905 г., отдельный пункт посвящен террору именно против казаков. Этот террор стал возможен во время Гражданской войны.

Для начала необходимо уточнить структуру социально-политического конфликта на Кубани в конце 1917-1918 гг.

Стороны конфликта.

1) Белые. В их состав входили Добровольческая армия и Кубанская Рада – казачья республика, возникшая в 1917-ом году, а также их сторонники (ряд социальных групп, в том числе, казачья интеллигенция, офицеры, духовенство и ряд других). Значительную часть, даже основу «партизанских» отрядов составила учащаяся молодежь (юнкера, студенты, кадеты и гимназисты) возрастом от 14-ти лет. Выступали как за реставрацию монархии, так и за созыв Учредительного собрания («непредрешенчество»).

2) Красные. Представлены большим количеством «распропагандированных» солдат, как возвращавшихся с турецкого фронта, так и специально направленных большевиками в казачьи регионы. Имели поддержку среди иногородних – неказачьего славянского населения Кубани. Стремилась к «диктатуре пролетариата».

Подавляющая часть казаков заняла нейтральную позицию, некоторые, как и на Дону, поначалу выступила на стороне красных. В ходе конфликта все больше казаков переходили на сторону белых (около 65% Добровольческой армии составили кубанские казаки, кроме того, была и собственно Кубанская армия), либо становились третьей стороной конфликта, которая была представлена казачьими республиками, пытавшимися проводить самостоятельную от Добровольческой армии и Деникина политику. Схема характерна для всех конфликтов первой половины 20-го века с участием казачества. Предметом нашего исследования является процесс перехода казаков из нейтралитета и даже от поддержки красных к участию в Белом движении (в годы Второй мировой войны – на стороне Германии).

Изучив свидетельства участников событий начала 1918-го года, можно составить схему, по которой происходила трансформация кубанского казачества в участника конфликта.

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т.5. – С.7.

Генерал Шкуро в «Записках белого партизана» подробно описывал подготовку восстания на востоке Кубани, в ст. Баталпашинской (ныне – г. Черкесск). Определяющими факторами успеха восстания он считал социальный конфликт казачьего и иногороднего населения, где советская власть выступила на стороне иногородних; эскалацию конфликта между разными классами общества. В мемуарах А.Г. Шкуро можно отчетливо выявить описываемые Ф.Н. Ильясовым и Г.И. Козыревым стадии отношения казаков к террору. В главе 7 А.Г. Шкуро описывает, как он исследовал обстановку на Кубани весной 1918 г. и начинал готовить антибольшевистское восстание. Казаки *«держались вообще осторожно, опасаясь соглядатаев и большевистских провокаторов, коими кишели базары. Каждое неосторожное слово могло стоить жизни; даже самое наименование «казак» считалось контрреволюционным, и станичники именовались гражданами, а чаще «товарищами». Эмблема протеста — черные казачьи папахи были заменены защитными, без кокард, и солдатскими картузами. Было жалко смотреть на матерых казаков, переряженных в ненавистные им картузы и застенчиво именовавших друга друга «товарищами»»*⁸. Как и при актуальной угрозе террористических актов, к которым можно отнести убийства без суда, аресты, лишение собственности и т.д., казаки пытались оградить себя от опасности, приспосабливаясь к требованиям и симпатиям власти. Эти явления присущи рефлекторной стадии, на которой люди, испытав испуг от новых порядков и массового наплыва агрессивного элемента, вследствие убийств и других репрессий, стараются оценить масштаб угрозы, надеясь на мирный исход.

Психологическая и социальная стадии в рассматриваемых нами случаях не разделяются, т.к. источником угрозы являлась власть, против которой и была направлена ответная реакция на агрессию – назревало массовое антибольшевистское выступление.

Политическая стадия – открытое вооруженное выступление против большевиков – началась в конце мая – начале июня 1918 г. в станицах Бугурустанской, Бекешевской, Суворовской в окрестностях Баталпашинска. Благодаря сочетанию ряда факторов (военизированность казачьего населения, негативное отношение к большевикам, сочувственное – к лидерам восстания. высокий уровень компетентности руководителей восстания) восставшие быстро заняли значительную территорию, соединились с Добровольческой армией и примкнули к Белому движению, став участниками конфликта.

В мемуарах и свидетельствах участников и очевидцев тех событий отчетливо видно действие механизмов трансформации жертвы в участника конфликта.

На рефлекторной стадии действуют эмоционально-психологические механизмы. История казачьих антибольшевистских восстаний в Гражданскую войну показывает, что казаки, как и все люди, испытывали страх, когда против них был развязан террор. На какое-то время этот страх перешел в ужас, с которым казакам помогли справиться действовавшие и после формальной отмены сословий, социальные механизмы, характерные для военизированного сообщества. Кубанское казачество, несмотря на ряд внутренних противоречий, оказалось все же эмоционально однородным. Это позволило и казачьим, и белым лидерам мобилизовать казаков на борьбу с большевиками.

Как показала история, потребность и готовность к рациональным действиям у казаков оказалась очень сильна. Подтверждением этому служит успешная реализация социально-психологических механизмов трансформации, выразившейся в массовых выступлениях против большевиков. Восставшие тщательно разработали планы выступлений, сумели выдвинуть лидеров и найти союзников. Они привлекли на свою сторону не только казачье население Кубани, но и горцев (Баталпашинское восстание). Несмотря на то, что ряд антибольшевистских выступлений 1918г. окончился неудачно, Баталпашинское и Таманское восстания достигли своих целей, в том числе и политических. Восставшие установили свою власть на занятых ими территориях и соединились со своими союзниками для дальнейшей борьбы, трансформировавшись из жертв в участников социально-политического конфликта.

После окончания Гражданской войны, большевики не отказались от практики террора, пик которого пришелся на 30-ые годы: коллективизацию и массовые репрессии

⁸ Шкуро А.Г., «Записки Белого партизана», глава 7, http://militera.lib.ru/memo/russian/shkuro_ag/07.html

37-го г. Террор был массовым и проводился сразу во многих сферах жизни: в политике, экономике, в межнациональных отношениях, культуре, религии, и даже науке и образовании. Советское государство, к сожалению, часто применяло террор в нарушение собственного законодательства, либо принимало заведомо дискриминационные законы.

П.М. Андриянкин в казачьей газете "Станица" рассказал о коллективизации на Дону (по такому же сценарию происходила коллективизация и на Кубани): «Объявили, что в Новодеревянковской зреет контрреволюция, занесли станицу на "черную доску". Был поднят Ейский полк: оцепили всю станицу – ни въехать, ни выехать. Зерно из станицы вывезли все подчистую – прямо в поле, на ток, и пшеницу и кукурузу. Оно потом все так в кучах и погребло на земле. По дворам ходили солдаты, всех сгоняли на работу – зимой, прямо в чем попало, не разрешили одеваться. А специальная комиссия из актива ходила по дворам, отбирала все съестные запасы – гарбузы, буряки, даже пшеничку из стаканчика, куда свечку ставили, выливали и масло из лампадок перед иконами. Варенья, соленья выносили во двор, разбивали и разливали – там все и замерзло. Отбирали даже узелки с горохом и фасолью, что были отложены на весеннюю посадку. И, не дай Бог, найдут у кого старые фотографии с казаками – сразу же забирали того человека. <...> Люди мерли как мухи. Команда ходила, собирала трупы – кого в рядюшке, кого так свозили в яму, засыпали землей. А кто своих прямо во дворах хоронил. <...> Около двадцати тысяч было в станице. Осталось в живых – меньше восьми. Контрреволюцию же так и не нашли...»⁹ Другой свидетель событий А. Дейневич: "На "черную доску" заносились станицы, которые не справились в 1932 году с планом хлебосдачи. В них изымалось полностью не только все зерно, но и съестные припасы, из магазинов вывозились все товары – они закрывались, запрещалась всякая торговля. Окруженные войсками станицы и хутора превращались в резервации, откуда был единственный выход – на кладбище. <...> В станицах были съедены все собаки и кошки, порой пропадали дети – были случаи людоедства. <...> Как свидетельствует советский историк Н.Я. Эйдельман, "когда по всей Кубани опухших от голода людей сгоняли в многотысячные эшелоны для отправки в северные лагеря, во многих пунктах той же Кубани на государственных элеваторах в буквальном смысле слова гнили сотни тысяч пудов хлеба...". <...> Уничтожая людей, злодеи пытались уничтожить саму память о них: места братских захоронений (ямы, глиняные карьеры) никак не обозначались, а людей, которые пытались вести учет жертв, – расстреливали как злейших врагов народа. Книги записей рождений и смертей уничтожались»¹⁰.

Репрессии против казачества усилились в начале 30-х годов. Реакцией казаков был отпор насилию и произволу. Так, в конце ноября 1932 года восстала станица Тихорецкая на Кубани. Две недели безоружные казаки отражали атаки регулярных частей РККА, против казаков коммунисты применяли артиллерию, танки и даже химическое оружие. Причиной восстания на этот раз стали не репрессии, а продовольственная политика руководства страны, в результате которой возникли серьезные проблемы с продовольствием, вынудившие жителей ст. Тихорецкой нападать на обозы с продовольствием, идущие от удаленных станиц к ж/д станции. Кроме того, стало известно, что «в Москве решили изъять все активное молодое население области и направить его на север»¹¹. По утверждению авторов статьи (эмигрантов-казаков), личный состав местных гарнизонов относился к восставшим либо нейтрально, либо сочувственно, дав себя разоружить без боя, а среди восставших были не только казаки, но и небольшое число немцев-колонистов. Численность вооруженных восставших оценивалась в 6 тысяч человек, а невооруженных – «чуть не все мужское население района»¹². После подавления восстания, к высылке было подготовлено, по данным того же источника, 18 тысяч человек.

На примере Тихорецкого восстания рассмотрим стадии отношения людей к политике властей, которую, несмотря на декларируемую диктатуру закона, также можно назвать террористической. По утверждению Н. Петрова, исследователя из общества Мемо-

⁹ Андриянкин П.М. «Люди мерли как мухи...», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. – С. 29.

¹⁰ Дейневич А. «Преступлениям нет прощения!..», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. – С. 29.

¹¹ "Февраль-март" – "Вольное казачество". 1933. № 125. – С. 3.

¹² Там же.

риал, большая часть осужденных в период с 1921 по 1936 гг. по делам, подготовленным ВЧК-ОГПУ-НКВД, было приговорено «*Коллегией ОГПУ 63 тысячи (4%), Особым совещанием ОГПУ – 245 тысяч (15%), тройками Полпредств ОГПУ – 712 тысяч (44,5%)*. То есть подавляющее большинство людей, которые были осуждены как «враги государства», как «враги советского строя», не были осуждены легальными законными юридическими органами»¹³. Само советское законодательство в определенные исторические промежутки было классовым, в частности, свобода печати и митингов декларировалась только для рабочих и их организаций¹⁴. В Конституции РСФСР от 11 мая 1925 г. не было постулата о невозможности лишения человека свободы без судебного постановления¹⁵.

Рефлекторную стадию трансформации отследить сложно. Вероятно, она проходила для каждого из участников восстания индивидуально, т.к. репрессии и экономические санкции применялись не одновременно ко всем пострадавшим, а в разные сроки. Однако, в какой-то момент (судя по хронологии восстания, летом 1932 г.) рефлекторная стадия закончилась и началась психологическая, тесно связанная, как и в 1918 году, с социальной. Эта стадия выразилась в подготовке восстания, а также в нападениях на хлебные обозы, следовавшие к железной дороге.

В середине октября 1932 г. реакция перешла в политическую стадию, восстало население на территории протяженностью примерно в 300 км. Показательно поведение местных гарнизонов, которые «*сочувственно отнеслись к восстанию, и если не стали открыто на сторону восставших, то и не выступили в защиту советской власти и без сопротивления дали себя разоружить*». Это может свидетельствовать о том, что личный состав гарнизонов, зная о ситуации в регионе, также критически относился к советской власти, и несмотря на примененное восставшими насилие (разоружение, плен), не считал их виновными. Восстание было подавлено, многие участники расстреляны без суда, значительная часть населения была выслана.

К моменту нападения Германии на СССР казаки неоднократно подвергались репрессиям, причем во многих случаях с нарушениями советского законодательства. Эти нарушения были вызваны произволом власти, перед которой стоял целый ряд экономических и политических задач. Для их решения часто использовались методы террора и устрашения. Поэтому реакция казаков, ставших жертвами террора, была вполне закономерна и в ней хорошо видны соответствующие стадии, единственным отличием является одновременность психологической и социальной стадии, т.к. если в исследовании Ф.Н. Ильясова власть и террористы – разные субъекты, то при изучении причин казачьих восстаний можно сделать вывод, что советская власть и была террористом. Политическая стадия характеризовалась вооруженными выступлениями, сменой власти, присоединением изначально нейтральных казаков к врагам советской власти. Так произошло и во Вторую мировую войну.

В восстаниях и выступлениях 20-30-х годов, а также в массовом участии казаков во Второй мировой войне на стороне Германии, массовым проявлением социально-психологических механизмов трансформации стала жажда мести. Это оказалось характерно как для казаков – жителей СССР, так и эмигрантов. Из-за поражения в Гражданской войне и последующего террора (который с одной стороны сделал невозможными открытое проявление недовольства и противодействие политике коммунистов, с другой – усилил «жажду мести», т.к. появилось большое количество пострадавших от террора и несправедливой политики), враги СССР стали восприниматься если не как друзья, то по крайней мере, как временные союзники в борьбе с большевизмом. Ниже приведены примеры реализации «жажды мести».

Объектом нашего исследования являются казаки, жившие на территории СССР, а также вынужденно эмигрировавшие из страны. Яркими представителями последних являются атаманы А.Г. Шкуро и Н.И. Гулый. Оба возглавили восстания в 1918-ом году, а после сражались в рядах ВСЮР (Вооруженные силы Юга России – белые войска, состояв-

¹³ Петров Н., Публичная лекция «Преступный характер сталинского режима: юридические основания.» 24 сентября 2009г., <http://www.polit.ru/lectures/2009/11/19/stalin.html>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

шие из Донской, Кубанской и Добровольческой Армий), после поражения оба оказались в эмиграции, во Вторую мировую войну оба вступили в казачьи части, сформированные немцами. В 1945-ом году оба были выданы англичанами в Линце советским войскам вместе с десятками тысяч других казаков. А.Г. Шкуро вместе с другими казачьими лидерами был убит в Лефортовской тюрьме после заседания трибунала, который вынес заранее утвержденный Сталиным и Абакумовым приговор. По утверждению Н. Петрова («Мемориал»), такого рода суды проводились над немецкими военнопленными генералами, и после этого процесса в соответствии с решением Совета Министров в сентябре 1947 г. Н.И. Гулый вместе с братом был приговорен к 10 годам тюремного заключения и умер в 1946 г.

Участие в конфликтах в обоих случаях было вынужденным. Гулого в 1918-ом году сместили с поста станичного атамана, а новая власть проводила разрушительную для жизни станицы политику. Вероятно, и личная безопасность Гулого была под вопросом. Шкуро в 1917-18 гг. – герой войны, офицер, кавалер многих орденов. Однако во время возвращения полка несколько раз подвергался опасности быть убитым «распропагандированными» солдатами, пережил покушение на жизнь. После возвращения на Кубань вынужден был жить по подложным документам и скрываться от властей, был арестован и бежал. Таким образом, их можно считать жертвами социально-политического конфликта, связанного со сменой власти.

В эмиграции, как и многие другие эмигранты, Шкуро и Гулый надеялись на продолжение активной борьбы с большевиками-коммунистами и на реставрацию прежней власти. Осознавая недостаточность сил эмиграции на борьбу с СССР, присоединились в 1941-ом году к Германии, считая ВОВ продолжением Гражданской войны. Эта борьба была вынужденной: в 20-30-ые гг. было несколько волн репатриации русских эмигрантов, многие из которых были репрессированы вскоре после возвращения. Соответственно, надежды на мирное окончание конфликта с советской властью у казаков-эмигрантов не было.

В самом СССР выросло поколение детей, чьи родители и родственники были репрессированы, а сами они – репрессированы из-за родства с участниками Белого движения. Такой пример приводит и Н.И. Палибин. В своей книге «Записки советского адвоката» он рассказывает, что сын умершей в зале суда казачки (привлеченной к ответственности за сокрытие примерно 100 кг зерна) в самом начале Великой отечественной войны перешел на сторону немцев¹⁶. В 1942 году было опубликовано письмо В.Н. Рябовола, сына председателя Кубанской краевой и законодательной рады (парламента казачьей республики на Кубани) Н.С. Рябовола, убитого в 1919 г., по мнению казаков, деникинской контрразведкой. В 20-30-ые гг. советская власть неоднократно применяла санкции к семье Рябоволов. Так, мать В.Н. Рябовола была переведена в разряд лишенцев, старший брат был расстрелян в 1937 г., дед С.Г. Рябовол замучен большевиками до смерти в 1921 г., братья отца высланы на Соловецкие острова. Была даже разорена могила Н.С. Рябовола в Краснодаре¹⁷. Сам В.Н. Рябовол перешел на сторону немцев под Смоленском в 1941 г.

Учитывая масштабы репрессий, можно сделать вывод о том, что массовое участие казаков в конфликтах на стороне антикоммунистических сил было вынужденным и вызвано агрессивными и террористическими действиями большевиков и коммунистов против мирного населения как в Гражданскую войну, так и в 20-30-ые гг. 20-го века. Оно стало возможным в силу наличия у казаков традиций демократического гражданского общества, а также высокой милитаризации и дисциплины. Во всех рассмотренных эпизодах, трансформация казачества из жертвы в субъекта и участника конфликта происходила с задействованием эмоционально-психологических и социально-психологических механизмов, что связано с особенностями рассмотренных социально-политических конфликтов и особенностей казачества как социальной группы. В ряде случаев, правда, использовались и экзистенциальные механизмы (особенно в случаях перехода казаков на сторону врага в ходе ВОВ).

Список литературы

1. Андрюшкин П.М. «Люди мерли как мухи...», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. С. 29

¹⁶ Палибин Н.В. «Записки советского адвоката», США, 1955г., глава 17 «Дела о ямах».

¹⁷ Голос освобождённых казаков. Казачий Вестник. Орган Казачьего Национального Освободительного Движения №-17(23) Прага 15-го августа 1942г.

2. Гордеев А.А. «История казачества» М. Вече, 2006 г.
3. Дейневич А. «Преступлениям нет прощения!..», Общеказачья газета «Станица». 2001. N 1. С. 29.
4. Ильясов Ф.Н. «Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв» Соц. Исследования. М., 2007 №6 С. 84-85.
5. Козырев Г.И., ««Жертва» в социально-политическом конфликте», М., 2008.
6. Ленин В.И. ПСС. Т.5.
7. Николаев В.Г. «Мечь, как предмет социологического интереса: предисловие к публикации текста У. Макдауталла»/ Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. « Социология»/ РЖ. 2003, № 3. С. 127-138.
8. Палибин Н.В. «Записки советского адвоката», США, 1955г., глава 17 «Дела о ямах».
9. Петров Н., Публичная лекция «Преступный характер сталинского режима: юридические основания.» 24 сентября 2009г., <http://www.polit.ru/lectures/2009/11/19/stalin.html>
10. Шкуро А.Г., «Записки Белого партизана», глава 7, http://militera.lib.ru/memo/russian/shkuro_ag/07.html
11. "Февраль-март" – "Вольное казачество". 1933. № 125. С. 3.
12. «Голос освобождённых казаков.». Казачий Вестник. Орган Казачьего Национального Освободительного Движения №-17(23) Прага 15-го августа 1942г.

TRANSFORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL STATUS OF COSSACKS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF RUSSIA

A.M. LYASHKO

Mendeleev RCTU

*e-mail:
attila80@mail.ru*

The article considers of the major processes of the sociopolitical conflict – transformation of a victim to the participant or the subject of opposition – on example of the Kuban Cossacks. The Kuban Cossacks, as well as all Russian Cossacks, have been involuntary involved to conflicts with Bolsheviks and the Soviet power. The Soviet power used them in the Civil war, and set a class war against the Cossacks in 20-30-s' of the XXth century. Becoming a victim of such policy, the Cossacks, owing to the features, were transformed to the participant of conflicts.

Key words: Kuban Cossacks, sociopolitical conflict, victim, transformation.